

В. А. АВРОРИН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ СЕВЕРА И МЕСТНЫЕ ДИАЛЕКТЫ*

1

Малые народы Крайнего Севера встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию в состоянии полного политического бесправия и крайней экономической и культурной отсталости. Будучи лишены возможности подняться выше стадии разложения патриархально-родового строя, в своей массе они оставались наиболее отсталыми из всех народов царской России. Ни один из народов Крайнего Севера не имел своей письменности. Предприимчивавшиеся в середине XIX в. попытки отдельных миссионеров создать письменность на языках народов Севера с единственной целью распространения православия, как известно, не привели ни к каким результатам. Само назначение этой письменности было совершенно чуждым для народов Севера, да и знание языков у миссионеров, как правило, оставляло желать лучшего.

Казанским и другими миссионерскими обществами были изданы буквари на ненецком, саамском, мансийском, хантыйском, эвенском и нанайском языках. Наряду с букварями издавались переводы молитвенников и отрывков из евангелия. Вся эта «литература», насчитывавшая на отдельных языках (например, нанайском) до 7—8 названий, совершенно не пользовалась популярностью среди народов Севера и не оказала никакого влияния на их культурное развитие. Слабое знание русского языка и почти полное отсутствие школ на Крайнем Севере не позволяли этим народам овладеть и русской грамотой. Официально считавшиеся грамотными на русском языке составляли не более 2% взрослого населения, людей же, более или менее свободно читавших и писавших по-русски, т. е. действительно грамотных, было ничтожно мало.

А между тем настоятельная потребность в письменности ощущалась повсеместно. Об этом убедительно свидетельствуют существовавшие с давних пор у народов Севера системы пиктографического письма, имевшего наиболее широкое применение у юкагиров и коряков, системы тамг, бирок, путевых знаков и т. д., вплоть до изобретенной лет 30 назад чукчей-пастухом Теневилем системы иероглифического письма. Ограниченные

* Настоящая статья представляет собой несколько дополненную часть доклада, прочитанного на Совещании по языкам народов Севера, состоявшемся 8—13 декабря 1952 г. в Ленинграде. Доклад представлял собой общее введение к трем специальным докладам по конкретным литературным языкам: О. А. Константинов — по эвенкийскому языку, К. А. Новиковой — по эвенскому языку и Н. И. Терешкина — по хантыйскому языку. В заключительной части статьи, посвященной этим трем языкам, автор использовал материал указанных докладов и постановления, принятого совещанием.

средства и узкая сфера применения этих систем письма не давали им возможности сыграть сколько-нибудь значительную роль в деле культурного развития народов Севера.

Только Советская власть, руководимая Коммунистической партией, смогла вывести народы Крайнего Севера, вместе со всеми остальными народами нашей Родины, на широкую дорогу экономического, политического и культурного прогресса. Только Советская власть смогла поставить и разрешить задачу создания письменности и литературных языков народов Севера. Сразу же после окончательного установления Советской власти на Крайнем Севере (с середины двадцатых годов) началась планомерная подготовка кадров местной интеллигенции, что позволило уже в самом начале тридцатых годов создать письменность на языках народов Севера, начать издание учебной, массово-политической, художественной и другой литературы и ввести в первых классах нерусских школ Крайнего Севера преподавание на родных языках учащихся.

Прямым результатом последовательного осуществления в нашей стране ленинско-сталинской национальной политики явилось создание письменности и развитие литературных языков народов Крайнего Севера (под литературным языком автор понимает наиболее совершенную и всеобъемлющую устную и письменную форму проявления общенародного языка, характеризующуюся обработанностью и общеобязательной нормативностью и противостоящую внутри общенародного языка другой форме его проявления — диалектной).

Основой для решения любых вопросов, связанных с развитием литературных языков, в частности и вопроса о взаимодействии между литературным языком и местными диалектами, является марксистское учение о языке, созданное великим корифеем науки И. В. Сталиным. Наиболее важное значение для настоящей темы имеет учение И. В. Сталина об общенародном языке и его местных диалектах и говорах.

В своем гениальном произведении «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин, выдвигая и обосновывая программные положения об одном из трех основных условий перехода от социализма к коммунизму, пишет: «Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»¹.

Претворяя в жизнь эти мудрые указания вождя, XIX съезд партии в своих директивах по пятому пятилетнему плану развития СССР выдвинул как одну из важнейших задач: «Завершить к концу пятилетки переход от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетка) в столицах республик, городах республиканского подчинения, в областных, краевых и крупнейших промышленных центрах. Подготовить условия для полного осуществления в следующей пятилетке всеобщего среднего образования (десятилетка) в остальных городах и сельских местностях»².

Эта величественная задача приобретает особенно глубокий смысл, когда речь идет о младописьменных народах нашей страны, тем более —

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 68—69.

² Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

о малых народах Крайнего Севера, которые до Великой Октябрьской социалистической революции были в культурном отношении наиболее отсталыми из всех народов царской России.

За годы Советской власти, благодаря неустанной заботе партии и правительства, благодаря повседневной братской помощи великого русского народа, народы Севера проделали невиданный по темпам путь культурного развития, путь приобщения к передовой социалистической культуре. Достаточно сказать, что сейчас в различных высших учебных заведениях страны обучается более двухсот представителей этих народов, десятки их уже получили законченное высшее образование, а семь человек проходят аспирантскую подготовку и готовятся к защите кандидатских диссертаций. Однако задача распространения десятилетнего образования на все молодое поколение народов Севера потребует для своего осуществления значительных усилий и большой подготовительной работы как со стороны органов народного образования, местных советских и партийных организаций, так и со стороны научных работников, в первую очередь — языковедов и методистов. Основные усилия научных и практических работников по языкам народов Севера должны быть сейчас направлены на то, чтобы добиться максимально эффективного использования родных языков местного населения и литературы на этих языках в практике школьной и внешкольной работы. Именно это лучше всего поможет учащимся нерусских северных школ приобрести элементарные знания и навыки чтения и письма на родном языке — что является фундаментом всякого образования — и в то же время в достаточной мере овладеть русским языком, на котором они будут обучаться, начиная с третьего класса.

Таким образом, мудрые указания И. В. Сталина и директивы XIX съезда партии обязывают нас обратить самое серьезное внимание на ход формирования и развития младописьменных литературных языков, в том числе и языков народов Севера, выявить все допущенные в этом сложном процессе ошибки с тем, чтобы дальнейшее развитие литературных языков шло по правильному направлению, максимально обеспечивающему культурный рост советского общества.

2

Формирование и развитие литературных языков народов Крайнего Севера протекает в специфических условиях, в большей или меньшей степени отличающихся от условий, в которых протекают аналогичные процессы у других народов Советского Союза.

Прежде всего необходимо отметить, что малые народы Крайнего Севера в силу исторически сложившихся причин не консолидировались в отдельные самостоятельные нации. Препятствием к сложению в отдельные нации служит хотя бы их крайне малая численность и территориальная разобщенность. 23 народности нашего Крайнего Севера составляют всего около 150 тыс. человек, причем самая большая из них — эвенки — насчитывает около 30 тысяч, а самые маленькие — ороки и алеуты — менее 500 человек каждая. Несмотря на такую малую численность, некоторые народности Севера расселены на огромных территориях, равных территориям нескольких европейских государств вместе взятых.

Понятно, что при такой малой численности и огромных территориях расселения народы Севера живут крайне распыленно, в условиях оторванности и разобщенности отдельных территориальных групп, между которыми отсутствуют постоянные экономические, культурные и всякие иные связи. Отдельные группы того или иного из малых народов Севера имеют очень часто значительно более тесные территориальные, хозяйственные,

общественно-политические и даже культурные связи с представителями других совместно живущих с ними народов (русских, коми, якутов, бурят), чем между собой. Несомненно, что, например, западные группы ненцев бассейна р. Печоры имеют более тесные связи с местными русскими и коми, чем с восточными ненцами низовьев Енисея; эвены на территории Якутской АССР теснее связаны с якутами, чем с эвенками, живущими на Камчатке; северобайкальские эвенки теснее связаны с местными русскими и бурятами, чем с сахалинскими эвенками.

Речь здесь идет, понятно, не о родственных, не о языковых связях, не об особенностях национальной формы культуры, которые объединяют все части каждой из этих национальностей в единое целое, независимо от их территориальной разобщенности, а о постоянных, повседневных связях в общественно-трудовой практике.

Все более и более важное значение приобретает то, что малые народности Севера, как правило, живут, трудятся, обучаются и участвуют в общественно-политической жизни совместно с русскими, составляющими во многих районах Крайнего Севера значительное большинство населения. Это тесное общение с представителями великого русского народа — носителя лучших революционных традиций и самой передовой социалистической культуры — сыграло большую роль в невиданно быстром переходе народов Севера от патриархально-родового уклада к социализму.

Изложенное выше не позволяет рассматривать малые народы Севера как сложившиеся нации. Они представляют собой не нации, а народности. Поэтому и языки их обладают особенностями, характерными для языков народностей, а не языков наций, не национальных языков в терминологическом смысле этого слова.

Особенности функционирования и развития языков народностей Севера состоят в следующем.

Все эти языки имеют большее или меньшее количество местных диалектов. Диалекты, как правило, в свою очередь распадаются на ряд говоров.

Наиболее сложную картину в диалектологическом отношении представляет эвенкийский язык, который в пределах СССР имеет, повидимому, три основных диалекта, разделяющихся на большое число говоров. Однако вопрос этот оказался совершенно запутанным специалистами, исходившими в определении диалектного состава эвенкийского языка и самого понятия «диалект» из антинаучной марровской идеи о скрещенном, гетерогенном характере каждого языка, из необоснованных фантазий о непрерывных переселениях эвенков и столь же необоснованного стремления видеть у современных эвенков живые следы племенной организации. Вопрос запутан настолько, что сейчас без дополнительного экспедиционного изучения разобраться в нем не представляется возможным. Сложно обстоит дело с хантыйским языком, который, к тому же, слабо изучен в диалектологическом отношении. Предполагают даже, что из единого в прошлом хантыйского языка к настоящему времени образовалось по меньшей мере три самостоятельных языка на базе трех его первичных диалектов: северного, южного и восточного. Диалектная пестрота с более или менее значительными различиями между диалектами, порой сильно затрудняющими общение, характерна также для эвенского, нанайского, ненецкого и для других языков народностей Севера. Исключение составляет лишь чукотский язык, имеющий всего лишь два незначительно различающихся диалекта.

Однако характерная черта языков народностей Севера состоит не в этом, ибо и языки наций надолго сохраняют местные диалекты и говоры. Характерным для языков народностей Севера является то, что, ввиду отсутствия процесса сложения их носителей в самостоятельные нации, а также слабого

и пока еще весьма недолговременного воздействия литературных языков, процесса концентрации диалектов в них или вовсе нет, или он находится в самом зачаточном состоянии. Это уже весьма значительное и весьма существенное отличие языков народностей Севера от языков наций.

В нерусских школах Крайнего Севера, в соответствии с утвержденным учебным планом, обучение на родном языке ведется в первых трех классах: подготовительном, первом и втором. В следующих двух классах начальной школы родной язык сохраняется как предмет обучения, а языком преподавания становится русский язык, изучение которого ученики начинают с первых дней прихода в школу. Понятно, что опытные учителя прибегают к помощи родного языка не только в старших классах начальной школы, но и в средней школе, добываясь этим путем более глубокого проникновения учащихся в содержание изучаемого материала. Но родной язык в этих случаях используется лишь как дополнительное средство, а преподавание всех предметов ведется уже на русском языке, тем более, что, начиная с третьего класса, дети народностей Севера, как правило, обучаются совместно с русскими детьми.

Русский язык на Крайнем Севере почти повсеместно стал межнациональным средством общения. Им в той или иной степени, чаще, правда, пока еще в слабой, владеет большая часть коренного населения. Русский язык во всех районах Крайнего Севера служит языком делопроизводства, местной периодической печати и радиовещания.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что для подавляющего большинства представителей народностей Севера основным средством повседневного общения друг с другом, средством выражения мыслей и взаимного понимания остаются и, несомненно, еще надолго останутся их родные языки. Русским языком в достаточной мере владеет, в основном, лишь местная интеллигенция, пока еще немногочисленная. Остальная масса населения, исключая отдельные группы ханты, манси, эвенков, коряков, фактически утратившие свои прежние родные языки, владеет русским языком в слабой степени, а часть населения даже вовсе не владеет им. Это относится в первую очередь к ведущим кочевой образ жизни ненцам, чукчам, корякам, эвенкам, к северным группам ханты и манси, а также к эскимосам. Значительное большинство детей приходит в школы Крайнего Севера или вовсе не зная русского языка или зная его в самой слабой степени, не дающей им возможности овладевать на этом языке грамотой и получать нужные знания.

Рассмотренные выше особенности языков народностей Севера и специфические условия, в которых они функционируют, не позволяют подходить к ним с теми же мерками, с которыми мы подходим к языкам наций. Эти особенности и специфические условия диктуют, в частности, особое решение вопроса о роли и пределах применения литературных языков этих народностей, исходя из общих задач повышения культурного уровня народностей Севера и полного вовлечения их в социалистическое строительство, исходя из основных принципов национальной политики нашей партии.

Литературные языки народностей Севера в настоящее время призваны играть весьма важную, даже можно сказать — решающую роль в деле первоначального приобщения к социалистической культуре того большинства коренного населения Крайнего Севера, которое еще не овладело в достаточной мере русским языком. Имеющаяся еще кое-где на местах недооценка больших возможностей родного языка населения, нежелание использовать эти возможности в политико-просветительной работе через лекционную пропаганду, местную печать, радио и т. д. идут вразрез с принципами национальной политики партии и при-

носят большой вред делу культурного и политического роста населения нашего Севера.

Литературные языки народностей Севера должны служить базой первоначального образования в объеме трех классов, в первую очередь — базой обучения грамоте. Общеизвестно, что хорошо и быстро овладеть техникой чтения и письма можно только на родном языке. Овладевая грамотой на родном языке, учащиеся нерусских школ Севера тем самым овладевают и русской грамотой, поскольку их родная письменность построена на основе русского алфавита и учитывает основные правила орфографии русского языка.

Родной язык должен не только содействовать лучшему пониманию и усвоению программного материала, но и служить орудием развития у учащихся навыков логического мышления. Особенно важную роль в этом отношении должно играть изучение грамматики родного языка. Великий русский педагог К. Д. Ушинский неустанно подчеркивал эту важную роль изучения родного языка, особенно его грамматики, в развитии логического мышления детей³.

Литературные языки призваны служить одним из важнейших средств развития художественного творчества народностей Севера, в первую очередь — художественной литературы, а также песенного и спенического творчества, успешно развивающегося на Крайнем Севере и пользующегося всеобщей любовью. Наконец, языки народностей Севера должны быть использованы как одно из важных средств, помогающих их носителям в совершенстве овладеть русским языком, к чему совершенно добровольно и сознательно стремятся все народности Севера, прекрасно понимая, что только при помощи русского языка они смогут овладеть высшими достижениями социалистической культуры.

Перечисленные выше жизненно важные в условиях Крайнего Севера задачи определяют собой бесспорную необходимость развития и использования литературных языков народностей Севера как в школе, так и в культурно-просветительной работе среди взрослого населения. Вместе с тем эти же задачи определяют для настоящего времени и пределы использования литературных языков народностей Севера. Расширение этих задач за пределы намеченных выше рамок, попытки подхода к языкам народностей Севера как к языкам крупных наций могут привести лишь к снижению роли русского языка, а тем самым — к искусственному затормаживанию культурного роста коренного населения Крайнего Севера. Необходимо учитывать, что литературные языки народностей Крайнего Севера пока еще не настолько развиты, чтобы на них можно было перевести все или даже хотя бы основные произведения классиков марксизма-ленинизма, чтобы на них можно было создавать или переводить на них научную литературу, чтобы можно было перевести любое художественное произведение, причем перевести так, чтобы это было понятно большинству. Кроме того, относительная малочисленность и территориальная распыленность народностей Севера не позволяют пока открывать для них отдельные средние школы или даже параллельные классы в средних школах, где обучение велось бы на их родных языках.

3

Роль и пределы использования литературных языков народностей Севера ставят их в несколько особое положение по сравнению с младописьменными национальными языками. Однако, поскольку речь и в том

³ См. К. Д. Ушинский, Собр. соч., М.—Л., Изд-во АПН РСФСР, т. 2, 1948, стр. 557—560; т. 5, 1949, стр. 340 и 355; т. 7, 1949, стр. 237, 243 и др.

и в другом случаях идет о литературных языках, как особым образом обработанных, нормализованных и унифицированных формах проявления народно-разговорных языков, постольку характер самого процесса формирования и развития литературных языков социалистических народностей Советского Севера в их взаимоотношениях с местными диалектами не имеет и не может иметь п р и н ц и п и а л ь н ы х отличий от аналогичного процесса развития литературных языков социалистических наций.

Как всякий литературный язык, литературные языки народностей Севера могут выполнять свое общественное назначение и развиваться только тогда, когда они прочно опираются на базу живой народно-разговорной речи. Для обеспечения такой опоры есть лишь одно надежное средство — положить в основу литературного языка один из живых диалектов или говоров. Такое решение и было принято в свое время в отношении всех литературных языков народностей Севера. В основу ненецкого литературного языка был положен большеземельский говор тундренного диалекта, в основу хантыйского — сначала казымский, а затем среднеобский говор северного диалекта, в основу мансийского — сосвинский диалект, в основу эвенкийского — непский говор, в основу эвенского — ольский говор восточного диалекта, в основу нанайского — найхинский говор амурского диалекта, в основу чукотского — восточный диалект, в основу корякского — чавчувенский диалект, в основу эскимосского — один из говоров чаплинского диалекта.

Такая народно-разговорная база необходима литературному языку, во-первых, для установления определенных, единых норм устной и, в первую очередь, письменной речи, без чего немислим никакой литературный язык. Диалектная раздробленность языка проявляется в наличии разноречивых фонетических, лексических и грамматических норм. Задача литературного языка — устранить эту пестроту норм, отобрать в каждом случае диалектного расхождения из нескольких равнозначных норм одну и придать ей характер общеупотребительности. Во избежание возможной искусственности таких норм или привнесения их из других языков, они должны браться из живых диалектов и говоров данного языка.

Такая народно-разговорная база необходима, во-вторых, для сохранения литературным языком его народного характера взаимосвязанности и взаимообусловленности всех элементов его структуры. Только прочная опора на один определенный диалект или говор способна предохранить дело нормализации литературного языка от стихийности и от произвола отдельных лиц — носителей или знатоков различных диалектов, — т. е. устранить возможность превращения литературного языка в искусственную смесь норм, случайно надерганных из различных диалектов и говоров.

Возникает вопрос: какое именно территориальное подразделение языка — диалект или говор — отвечает этим задачам и потому должно служить основой литературного языка? По этому вопросу в среде специалистов нет единого мнения. Одни из них настаивают на том, что в основе литературного языка должен лежать диалект как более мощная и богатая, чем говор, языковая единица, а другие отстаивают права говора на роль основы литературного языка, указывая на то, что именно говор представляет собой тот тип языковой структуры, который не имеет дальнейших подразделений, и потому в нем отсутствует разноречивость в равнозначных нормах.

Может ли выполнить указанные выше задачи диалект, если он будет положен в основу литературного языка? Может, но только в том случае, если он сам не делится на сколько-нибудь значительно различающиеся между собой говоры. Такое положение мы имеем, например, в чукотском языке.

Но избрать в качестве основы для литературного языка распадающийся на говоры диалект — значит остановиться в решении этого вопроса на полпути. Что значило бы, например, остановить свой выбор на амурском диалекте при решении вопроса об основе нанайского литературного языка? Это значило бы, что мы фактически допустили существование не одного, а по крайней мере трех «литературных» языков по числу основных говоров. Для «лодки» мы допустили бы названия: *огда* и *тэмчиэн*, для «воды» — *муэ* и *мукэ*, для «зайца» — *гормахон* и *токса*, исходный падеж обозначали бы то суффиксом *-диади*, то суффиксом *-дуки*, падежные суффиксы в притяжательном склонении стали бы писать то с дифтонгами, то с простыми гласными и т. д. Разве можно было бы при этом говорить о реальном существовании е д и н о г о нанайского литературного языка?

Останавливаться на диалекте при выборе основы литературного языка можно лишь в том случае, если этот диалект не имеет дальнейшего деления на говоры. Если же диалекты делятся на говоры, что характерно для большинства языков народностей Севера, то в качестве основы литературного языка должен быть избран определенный говор, а не диалект. Ведь наличие внутри диалекта говоров означает, что в его пределах нет полного единства речевых норм, что известная сумма норм имеет различные взаимоисключающие варианты. Чтобы не потерять своего качества (нормативности), литературный язык должен из каждого ряда однозначных норм выбрать одну как литературную, отбрасывая остальные.

Довод о том, что говор — слишком мелкая языковая единица, что им в качестве средства общения пользуется небольшая часть народа и что он значительно беднее диалекта, — едва ли можно считать убедительным. Говор — это, действительно, наименьшая единица территориальной дифференциации языка, а диалект по сравнению с ним — единица более крупная. Но именно в этом, как ни странно на первый взгляд, несомненные преимущества говора перед диалектом в интересующем нас вопросе.

Говор как основа литературного языка именно тем и удобен, что на нем практически повседневно говорит какая-то группа людей, что он представляет собой живую, естественно сложившуюся структуру, взаимодействие частей которой и способность к дальнейшему развитию проверены и подтверждены долговременной практикой общения.

Говор, несомненно, имеет более бедный арсенал речевых средств, чем диалект. Но, опять-таки, в данном случае богатство диалекта оказывается как раз его слабой стороной. Ведь диалект богаче каждого отдельного из своих говоров только в том отношении, что в говоре все нормы унифицированы, в нем, как правило, отсутствуют противоречащие друг другу нормы, а в диалекте объединены нормы всех его говоров, среди которых неизбежно оказывается немалое количество норм взаимоисключающих, ибо в противном случае никакого деления диалекта на говоры не было бы. Впрочем, необходимо иметь в виду, что понятия диалекта и говора соотносительны и что степени различий говоров внутри одного и того же диалекта бывают очень многообразны и неодинаковы. Поэтому литературный язык, важнейшей характерной чертой которого является нормативность, не может основываться на таком диалекте, в котором существуют для разных групп людей противоречивые и взаимоисключающие нормы.

Требование, чтобы основой норм литературного языка служил диалект, независимо от его дальнейшего деления на говоры, очень абстрактно и не считается с многообразием вариаций по говорам внутри одного диалекта. Если диалект, а не говор должен лежать в основе литературного языка потому, что диалект более мощная и более богатая единица, то почему же диалект, а не язык в целом должен быть такой основой? Ведь язык — еще более мощная и еще более богатая единица, чем диалект.

Впрочем, и такого рода требование выдвигалось неоднократно. Предлагалось строить литературный язык путем отбора норм из всех диалектов и говоров, хотя и не указывалось точно, какими принципами нужно руководствоваться при таком отборе. Делались лишь ссылки на наибольшую распространенность и удобство этих норм. Кто должен был решать вопрос о выборе норм, как при слабой изученности диалектов и говоров определить степень распространения той или иной нормы и что значит удобство нормы, когда всякому человеку наиболее привычная норма, естественно, кажется самой удобной, а перед лицом объективной действительности все равнозначные нормы равноценны, — оставалось неизвестным.

В оправдание этого требования, выдвигавшегося прежде всего в отношении эвенкийского литературного языка, вернее сказать, в оправдание допущенного разнообразия и неразберихи, указывалось на крайнюю диалектную пестроту данного языка и на необходимость сделать литературный язык понятным для всех групп эвенков. Говорилось при этом, что эвенкийский литературный язык, допускавший по воле ведущих специалистов свободное проникновение в него элементов из различных диалектов, вполне понятен для всех эвенков.

По поводу такого рода рассуждений необходимо сказать следующее. Во-первых, эвенкийский литературный язык понятен всем группам этой народности не потому, что он построен на смешении диалектов, а потому, что различия между диалектами эвенкийского языка не настолько значительны, чтобы они могли препятствовать взаимному пониманию. Что же удивительного в том, что люди понимают книги, написанные на диалектах их родного языка? И если бы эти книги писались на каком-то одном определенном говоре, они нисколько не стали бы менее понятными.

Во-вторых, дело не только в степени понятности литературного языка. Для пассивного пользования языком этого достаточно. Но ведь литературный язык создается не только для того, чтобы читать книги. Люди должны и активно пользоваться им, т. е. говорить и писать, в частности — писать и издавать книги. Едва ли можно сомневаться в том, что любой русский человек без особого труда понял бы текст, написанный на псковском говоре, но каждый, для кого этот говор не является родным или достаточно хорошо знакомым, испытал бы непреодолимые трудности, если бы ему самому понадобилось в строгом соответствии с нормами этого говора излагать свои мысли.

Литературный язык, нормы которого регулируются случайными соображениями отдельных специалистов, также может оказаться вполне пригодным для пассивного пользования им, но он будет, несомненно, совершенно непригодным для активного пользования. Ведь если нормы для литературного языка берутся из разных диалектов и говоров, то запомнить, — что литературно и что нелитературно, что нужно брать из одного говора, что из другого, что из третьего, оказывается практически невозможным. Вполне понятно, что такой литературный язык не может иметь шансов на успех и дальнейшее развитие, поскольку активно пользоваться им можно лишь не выпуская из рук орфографические, словарные, грамматические и нормативные справочники.

Всякие попытки строить литературный язык на основе сознательного смешения разнородных элементов, все равно — идет ли речь о смешении норм различных диалектов одного языка или о смешении норм различных говоров одного диалекта, неизбежно приводят в конечном счете к антимарксистской марровской схеме развития языка путем скрещения и никак не согласуются со сталинским учением о языке. Поэтому такого рода попытки должны быть самым решительным образом отброшены. Акад. В. В. Виноградов совершенно справедливо говорил в одном из своих

докладов: «Вопрос о народно-диалектной основе национального языка имеет большое историческое, культурно-общественное и политическое значение... Крепкая связь со строго определенной народно-диалектной основой особенно важна в периоды выработки общенациональной языковой нормы, в периоды складывания многообразной, функционально-разграниченной системы стилей»⁴. От себя добавлю, что такая крепкая связь с диалектной основой столь же необходима в с я к о м у л и т е р а т у р н о м у языку, особенно в начальные периоды его формирования, пока еще в нем не выработалась сила традиции. Но в еще большей мере эта связь необходима для литературных языков народностей Севера, формирование которых происходит без помощи такого мощного унифицирующего фактора, как концентрация диалектов.

Все сказанное выше вовсе не означает, что вопросу о понятности литературного языка, о помощи ему в деле завоевания прочных, действительно общенародных позиций не следует уделять внимания. Напротив, вопросы эти должны волновать и, несомненно, волнуют каждого работника по языкам народностей Севера. Но решение этого вопроса нужно искать вовсе не там, где его надеются найти некоторые товарищи. Вопрос этот решается прежде всего правильным выбором опорного диалекта или говора, на базе которого должен развиваться литературный язык.

Этот диалект (говор) должен принадлежать передовой в экономическом, общественно-политическом и культурном отношениях части народа, обладающей перспективами дальнейшего развития и пользующейся влиянием на другие части народа⁵. Желательно, чтобы эта группа была наиболее многочисленной и занимала центральное место на территории расселения всей народности. Сам диалект (говор) должен по своим характерным особенностям занимать центральное положение в системе диалектов данного языка, т. е. иметь по возможности наименее значительные отличия от других диалектов и уж во всяком случае не должен иметь таких черт, которые резко обособляли бы его от всех остальных диалектов.

Наличие этих условий вполне гарантирует достаточное богатство диалекта (говора), его способность к дальнейшему развитию и постепенному охвату своим влиянием всех групп данного народа. На такую единицу подразделения народно-разговорного языка, будь она диалектом или говором, литературный язык может положиться как на вполне надежную базу.

Таким образом, первая задача, от которой в значительной степени зависит все дальнейшее, состоит в том, чтобы правильно выбрать из ряда диалектов или говоров такой, который в наибольшей мере отвечает перечисленным выше требованиям. Гарантировать безошибочность выбора опорного диалекта (говора) может только детальная изученность диалектов данного языка и строгий учет уровня и перспектив политического, хозяйственного и культурного развития их носителей. Следует признать, что диалектологическая изученность языков народностей Севера пока еще крайне недостаточна. Это, между прочим, служило одной из причин серьез-

⁴ В. В. Виноградов, Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, газ. «Советская Молдавия» от 9 декабря 1951 г.

⁵ Особо должен решаться этот вопрос в тех случаях, когда такая передовая территориальная группа народности в значительной мере утратила свой прежний родной язык и стала двуязычной, а потому практически не нуждается в литературе на языке, общем с другими частями народности. В этих случаях (например: южные и среднеобские ханты, кондинские манси, некоторые группы эвенков и эвенов, живущих на территории Якутской АССР) ориентация литературного языка на говор таких групп народности, конечно, нецелесообразна.

ных ошибок в выборе опорных диалектов для некоторых литературных языков, в установлении литературных норм, а также в вопросе об обогащении литературного языка за счет нелитературных диалектов.

4

Итак, базой для литературного языка должен служить один из диалектов или говоров. Однако литературный язык, прочно опирающийся на такую базу во всех своих главных и решающих нормах, не может целиком, без остатка, сводиться к своей базе. Литературный язык богаче любой из разновидностей диалектной речи и отличается от них своей обработанностью и нормативностью. Он богаче и всей совокупности диалектов данного языка, но не в смысле наличия в нем большего числа параллельных и равнозначных средств, а в смысле наличия более совершенных и детализованных возможностей выражения и передачи самых разнообразных по содержанию человеческих мыслей.

Литературный язык в своем развитии опирается на развитие народно-разговорного языка, находится от него в прямой зависимости, но вместе с тем значительно опережает его и в свою очередь призван служить толчком для его дальнейшего движения вперед. А. С. Пушкин говорил, что «письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре», и тут же указывал, что «писать единственно языком разговорным — значит не знать языка»⁶.

Развитие литературного языка идет как по линии расширения сферы его действия в среде представителей данного народа, так и по линии его дальнейшей обработки и нормализации, т. е. отбора наиболее точных, полноценных и выразительных средств, обогащения словарного состава, шлифовки и совершенствования грамматического строя, выработки различных стилей.

Обогащение литературных языков народностей Севера имеет три основных источника. Оно происходит, во-первых, за счет развития тех средств, которые дает сама база литературного языка, т. е. за счет создания новых слов при помощи собственных словообразовательных средств, расширения и уточнения значений слов, упорядочения и уточнения грамматических правил и т. п. Оно происходит, во-вторых, путем обогащения за счет нелитературных диалектов, за счет привлечения в литературный язык так называемых диалектизмов или провинциализмов и, наконец, путем обогащения за счет прогрессивного влияния русского языка, которое для языков народностей Севера имеет особо важное значение.

В связи с темой настоящей статьи нас может интересовать лишь второй из этих трех источников обогащения — нелитературные диалекты. Прежде всего необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что включение в литературный язык отдельных элементов из нелитературных диалектов и говоров должно быть вообще строго ограничено, а в каждом отдельном случае достаточно мотивировано. Иначе ни о какой нормативности языка, а следовательно и ни о каком литературном языке, не может быть и речи. Обогащение литературного языка за счет нелитературных диалектов должно иметь характер именно о б о г а щ е н и я, а не засорения его излишними диалектизмами, которые проникают в больших количествах в язык литературы и от которых литературный язык вынужден постоянно обороняться и избавляться. Всем известна решительная борьба А. М. Горького за очищение русского литературного языка и языка русской лите-

⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., т. 12, М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 96.

ратуры от паразитического хлама лишних слов. Он указывал, что «местные речения, „провинциализмы“, очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя не характерные, не понятные слова»⁷.

Необходимо подчеркнуть также, что обогащение литературного языка за счет нелитературных диалектов ограничивается почти исключительно областью словарного состава. Грамматический строй редко нуждается в таком обогащении. Он в основном оказывается общим для всех диалектов одного языка, и, по сути дела, местным диалектам почти нечем обогащать литературный язык. Расхождения обычно касаются частностей. Но и эти частности в отдельных диалектах находят лишь несколько различное проявление. Свободное перенесение таких своеобразных частностей из нелитературных диалектов в литературный язык приводило бы или к образованию параллельных однозначных норм, что противоречит принципу нормативности литературного языка, или к замене одних грамматических норм, органически связанных со всей структурой опорного диалекта, другими, равнозначными им, но не имеющими органической связи со структурой опорного диалекта, выросшими на другой диалектной почве. Понятно, что в таком «обогащении» литературный язык не нуждается. Известно, что грамматический строй является не только наиболее устойчивой, но, к тому же, и наименее проницаемой сферой языка.

В каких же случаях бывает оправданным и целесообразным обогащение словарного состава за счет нелитературных диалектов? Мне кажется, что здесь речь может идти лишь о трех случаях: 1) когда в опорном диалекте отсутствует нужное слово или выражение, а в каком-либо из местных диалектов оно имеется; 2) когда реальные потребности развития литературного языка, особенно его различных стилей, вызывают необходимость расширения синонимических средств; 3) когда отдельные слова и сочетания слов опорного диалекта имеют в других диалектах нежелательный смысл.

Со вторым из этих случаев в практике развития литературных языков народностей Севера, существующих всего два десятилетия и не выработавших еще четкой стилевой дифференциации даже в словаре, нам фактически пока не приходилось встречаться, если не считать неудачных попыток некоторых специалистов оправдать этим допущенное ими наводнение литературного языка диалектизмами. Первый же и третий случаи имели место в истории наших литературных языков и, возможно, встретятся нам еще не раз.

Приведу несколько примеров из нанайского языка. С первых же шагов создания литературы на нанайском языке пришлось столкнуться с тем, что в найхинском говоре, положенном в основу литературного языка, отсутствует слово, которым можно было бы обозначить такое необходимое для советских людей понятие, как «товарищ». Наиболее близкие по смыслу слова — *диа* и *анда* — удовлетворить не могли, так как *диа* — это, собственно, «сотрудник», «соратник», «спутник» или «напарник», а *анда* — это «друг», «приятель». Поэтому в литературный язык было введено и теперь уже прочно укрепились в нем слово *бари* из сакачи-алянского говора, имеющее более широкое и отвлеченное значение, точнее передающее нужный нам смысл слова «товарищ».

В найхинском говоре не оказалось подходящего слова для обозначения понятия «собираться», в смысле «собираться на собрание». Наиболее близкое слово *хопалаори* обозначает «группироваться», «объединяться в небольшую группу, артель для совместной жизни или совместного труда».

⁷ М. Горький, сб. «О литературе», М., «Советский писатель», 1937, стр. 128—129.

В литературный язык было введено из гаринского говора слово *поаори* с более широким значением, близким к нужному смыслу русского слова «собираться», а от него было образовано слово *поан* «собрание», которое сейчас употребляется наряду с заимствованным из русского языка словом. В значении «есть», т. е. «питаться», в найхинском говоре употребляется слово *сиаори*, которое наряду с этим имеет значение «жевать», «кусать», «кусаться». В гаринском и болонском говорах это слово имеет только второе значение, а первое его значение выражается словом *депури*. Найхинское сочетание слов *най сиарини* «человек ест» понимается гаринскими и болонскими нанай как «человек кусается» и обычно вызывает смех. Поэтому в литературный язык было введено гаринско-болонское слово *депури*, которое постепенно вытесняет найхинское употребление слова *сиаори* в значении «есть», хотя еще и не вытеснило его вовсе. Подобного рода примеры, свидетельствующие о подлинном обогащении словарного состава за счет диалектизмов, можно было бы привести и по другим литературным языкам народностей Севера.

Бывают случаи, когда в опорном диалекте или говоре параллельно употребляются две равнозначные, но не взаимоисключающие нормы, типа русских: *изба* и *хата*, *башимак* и *ботинок*, *увидев* и *увидевши*, *по лесу* и *по лесу* и т. п., — а в других диалектах, в отличие от приведенных русских примеров, одна из норм каждой такой пары единственно приемлема, другая же — неупотребительна. В этих случаях в литературном языке предпочтение должно быть, естественно, отдано норме, приемлемой для всех или большинства диалектов, хотя бы эта норма в опорном диалекте пользовалась меньшим употреблением, чем вторая, равнозначная ей.

Наконец, в отдельных случаях, даже при правильном выборе опорного диалекта, может оказаться, что какая-то норма опорного диалекта противостоит другой равнозначной ей норме, свойственной всем остальным или подавляющему большинству других диалектов, причем норма опорного диалекта совершенно чужда и непонятна большинству носителей языка. В этом случае вполне допустимо введение в литературный язык более распространенной нормы, если, конечно, она не противоречит общей структуре литературного языка, в частности, принятой в нем системе правил орфоэпии, орфографии и грамматики.

Правильно произведенный выбор опорного диалекта или говора и нормальный ход дальнейшего развития способны создать для литературного языка полную возможность играть главную роль в выработке единых общеупотребительных норм не только письменного, но и разговорного языка. Литературный язык по своему существу не может не ставить перед собой этой цели, так как в противном случае он потеряет свое качество и скатится на положение местного диалекта. Естественно, что в этом же направлении должно идти и развитие литературных языков народностей Севера. Но играть указанную выше роль они могут только при наличии некоторых обязательных условий, таких, как правильная постановка преподавания родного языка в школах, наличие кадров, способных вести такое преподавание, наличие полного комплекта доброкачественных учебников, детской литературы для внеклассного чтения и литературы для взрослых. Необходимо прежде всего, чтобы люди практически пользовались литературным языком, чтобы они на опыте убеждались в пользе его существования, чтобы литературные нормы речи изучались.

В отдельных районах Крайнего Севера все эти условия в той или иной мере имеются. Они имеются в Эвенкийском и Чукотском национальных округах, имеются в отдельных районах Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, имеются в Нанайском районе, в отдельных

пунктах расселения эскимосов, но в большинстве районов Крайнего Севера некоторые из этих условий или даже все они целиком до сих пор отсутствуют.

Так, например, есть сведения, что почти ни в одной из эвенских школ преподавание на родном языке учащихся не ведется, не ведется оно и в значительном большинстве ненецких, хантыйских, эвенкийских и корякских школ, несмотря на то, что учебники для этих школ регулярно издаются и кадры, хотя и в недостаточных количествах, но все же готовятся.

Большую роль в этом, несомненно, играет отношение местных организаций, прежде всего — отделов народного образования, к роли родного языка в школе. Характерный пример: в низовьях Амура есть два соседних района — Нанайский и Комсомольский, в которых живет основная масса нанай, причем в Нанайском районе живет около 60—65 %, а в Комсомольском районе — до 25 % всех нанай. Нанайские школы или школы, в которых выделены нанайские классы, имеются и в том и в другом районах; литературный язык общий; учебников на родном языке вполне хватает на оба района; учителя, в совершенстве владеющие нанайским языком как родным, имеются и там и тут. И тем не менее в Нанайском районе в течение двенадцати лет нанайские школы в пределах начальных классов работают на родном языке учащихся, а в Комсомольском районе лишь иногда в течение непродолжительного срока по инициативе самих учителей в одной-двух школах велось преподавание на родном языке, а в остальных школах преподавание на родном языке отсутствует.

Для создания нормальных условий существования и развития литературных языков народностей Севера, для того чтобы они смогли сыграть свою положительную роль в деле культурного подъема их носителей, необходимы срочные и действенные меры. Прежде всего должен быть положен конец существующей до сих пор у некоторых местных работников недооценке и, прямо нужно сказать, пренебрежительному отношению к роли родного языка в учебной и политико-просветительной работе.

5

В деле создания письменности и развития литературных языков народностей Севера имеются значительные достижения. Обучение в школах на родном языке, издание учебной, художественной и массово-политической литературы, издание в ряде округов газет или газетных страниц на языках местного населения — все это способствует подъему культурно-политического уровня отсталых в прошлом народностей Севера.

Вместе с тем, в результате неправильного понимания и применения принципов ленинско-сталинской национальной политики, в результате влияния порочных, антимарксистских «теорий» Н. Я. Марра и его учеников, в практическом руководстве ходом формирования и развития литературных языков народностей Севера был допущен ряд серьезных ошибок, следы которых порой дают себя чувствовать еще и теперь.

Буржуазные националисты в тридцатых годах выдвинули «теорию» необходимости развития народностей Севера в обособленные «нации». Вступая в явное противоречие с реальной действительностью, они именovali народности Севера «северными нациями», а их только что начинавшие формироваться литературные языки — «национально-литературными» языками. Неоднократно высказывалась даже мысль о необходимости переселения всех представителей каждой народности, с целью их концентрации, в особые районы. Таким путем буржуазные националисты стремились искусственно создать территориальную и экономическую общность внутри отдельных народностей Севера и еще

больше изолировать их друг от друга, от великого русского народа и других народов СССР.

Выдвигалась вместе с тем идея консолидации «северных наций» на основе сознательно проводимой политики ассимилирования более мелких народностей и племен родственными им по языку более крупными народностями. Одни предлагали объединить в одну нацию чукчей, коряков, юкагиров, ительменов, в другую — эвенов, эвенков и негидальцев, в третью — нанай, ульчей, ороков, удэ и орочей и т. д.; другие были скромнее и предлагали в нанайскую «нацию» включить пока только нанай, ульчей и ороков, в эвенкийскую — эвенков и негидальцев, в удэйскую — удэ и орочей, в чукотскую — чукчей и юкагиров и т. д. Это вредное прожектерство представляло собой то, что И. В. Сталин назвал искусственным стягиванием людей в нации, искусственной организацией наций, их конструированием. «Заниматься же искусственным стягиванием людей в нации, — говорил он, — значит стать на точку зрения национализма»⁸.

Вполне естественно, что такое конструирование «наций» с целью отсечения от русского народа не встречало и не могло встретить сочувствия у самих народностей Севера, убедившихся на своем жизненном опыте, что для них существенно необходима постоянная братская помощь и самое тесное общение с великим русским народом, что именно в этой помощи и в таком общении — залог их культурного, политического и экономического роста.

В области языка буржуазно-националистическая линия проявлялась в требовании развивать языки народностей Севера в «национально-литературные» языки, которые должны были получить тот же характер, те же задачи и перспективы, что и любой литературный язык нации. Предполагалось, что непосредственно вслед за коренизацией начальной школы должна произойти полная коренизация семилетней, а затем и всей средней школы. Другими словами, расчет делался на то, чтобы постепенно вытеснить из школы русский язык. Больше того, буржуазные националисты лелеяли мечту вытеснить русский язык даже из области делопроизводства в местном советском, хозяйственном и партийном аппарате. Они призывали к тому, чтобы «национально-литературные» языки «северных наций» стали «языками управления в своих национально-территориальных объединениях». Осуществление их замыслов привело бы к срыву политики Коммунистической партии и Советской власти, направленной на культурный и экономический подъем народов Севера.

В целях конструирования «наций» малочисленным народностям предлагалось пользоваться литературными языками родственных им более крупных народностей. Так, например, негидальцам навязывался чуждый и непонятный для них эвенкийский язык. Жизнь очень скоро показала весь вред этой затеи и отбросила ее. С такими же результатами делались попытки навязать орочам удэйский язык, ульчам и орокам — нанайский, юкагирам — чукотский.

Особенно очевидным вред этой линии был в практике работы школы. Ульские, например, дети приходили в школу со знанием одного лишь языка — родного. Начинать обучение на родном языке они не могли из-за отсутствия учебников. Их начинали обучать на нанайском языке, который не только мало понятен, но и вовсе не нужен им. Проучившись на нанайском языке два-три года и с грехом пополам кое-как овладев им, они переходили на новый язык обучения — русский, который им очень нужен, но овладеть которым в начальных классах они не успевали, так как все силы их были направлены на овладение нанайским языком. Практические

⁸ И. В. Сталин, Соч., т. 3, стр. 54.

результаты такого обучения были обычно самыми минимальными. Дело было исправлено тем, что ульчские учителя по собственной инициативе давно уже отказались от столь оригинального посредничества нанайского языка и ведут преподавание с самого начала на русском языке. При этом они встречаются, понятно, с большими трудностями, особенно в начальный период обучения грамоте. Единственной разумной и эффективной мерой помощи для них в этом деле могло бы явиться издание букваря, но не на нанайском, а на ульчском языке.

Одним из средств искусственной изоляции от русского языка был латинский алфавит, на основе которого первоначально создавалась и в период с 1930 по 1936 г. существовала письменность на языках народностей Севера. Учащиеся северных нерусских школ вынуждены были изучать два совершенно различных алфавита, а это вело к тому, что русский язык в первом классе вообще не преподавался, во втором классе на него отводилось всего 250 учебных часов, из которых добрая половина времени уходила на приобретение навыков чтения и письма по-русски, и учащиеся переходили в третьем классе на русский язык как язык обучения, имея о нем лишь самое приблизительное представление. Только в 1936—1937 годах в результате массовых и настойчивых требований со стороны самих представителей народностей Севера письменность была переведена на основу русского алфавита, что значительно облегчило работу школы и распространение литературных языков.

Буржуазные националисты выдвинули тезис о том, что литературный язык должен основываться на диалекте, не испытавшем на себе никакого влияния русского языка, что «обруселый», как они выражались, диалект не может служить для литературного языка основой. Самую главную опасность для жизни и развития литературных языков они видели в проникновении в них русских слов. Против самой идеи заимствования недостающих слов они не возражали и вполне допускали заимствование из фонда интернациональных терминов или любого другого языка, кроме русского.

В работе по языкам народностей Севера имели место также серьезные ошибки, основанные на антимарксистских положениях Н. Я. Марра и его «учеников». В теоретической области ошибки этого рода были связаны прежде всего с вульгарно-социологической «теорией» Н. Я. Марра — И. И. Мещанинова о стадийном развитии языков путем взрывов и коренных перестроек их структуры. Связаны они были также с немарксистским пониманием соотношения элементов структуры языка, с выдвижением синтаксиса на роль безраздельно господствующей стороны грамматического строя и ущемлением прав морфологии, с отрицанием или принижением ценности для лингвистических исследований сравнительно-исторического метода и с некоторыми другими порочными марровскими идеями⁹.

Серьезные ошибки, основанные на антимарксистских установках Н. Я. Марра и его «учеников», были допущены некоторыми специалистами

⁹ Весьма значительную долю ответственности за эти ошибки в исследовательской работе по языкам народностей Севера я должен принять на себя, как на убежденного в прошлом сторонника основных ошибочных положений Н. Я. Марра и одного из старейших работников по этим языкам. Грубые ошибки были допущены мной в книге «Очерки по синтаксису нанайского языка», изданной в 1948 г., особенно во «Введении» к этой книге, в некоторых статьях, в программах по нанайскому языку и в устных выступлениях. Более подробно я говорю об этих ошибках в статье «Состояние и ближайшие задачи изучения языков народов Севера» (сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. II, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 409—428). Гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли мне глаза на мои ошибки, дали все возможности для их преодоления и помогли принять участие в коллективных трудах советских языковедов, направленных к развитию советской науки о языке на прочной основе марксизма.

не только в теоретической, но и в практической работе по руководству процессом формирования и развития литературных языков народностей Севера, причем в этой практической области ошибки марровского толка нередко переплетались с буржуазно-националистическим прожектерством.

Марровская идея скрещения языков, при котором два языка, сливаясь, якобы образуют третий, новый язык, давала «теоретическое обоснование» для попыток слить хотя и родственные, но все же различные языки, в целях осуществления националистического плана конструирования «северных наций». Та же порочная идея лежала и в основе выдвигавшихся до самого недавнего времени планов создания литературных языков путем перемешивания элементов из различных диалектов и говоров.

Явный отпечаток марровской теории стадильности носили голословные утверждения, что создание письменности вызывает коренную перестройку, взрыв структуры ранее бесписьменного языка. Отсюда делалось заключение, что у младописьменных народов, в частности и у народностей Севера, литературный язык может и даже должен резко отличаться от диалектной разговорной речи, что не в отрыве от последней заключается главная опасность для литературного языка, а в совпадении его с каким-нибудь из местных диалектов, а тем более — говоров.

Непосредственно из теории стадильности со взрывами в результате скрещения вытекало столь же необоснованное утверждение, что к взрыву приводят или даже уже привели и связи языков народностей Севера с русским языком, т. е. что влияние русского языка в короткий срок производит коренной переворот в структуре этих языков, причем не только в их словарных составах, но и в грамматиках и в фонетических системах.

Высказывалось мнение о том, что возникновение согласования определения с определяемым в некоторых языках, таких, как, скажем, эвенкийский, есть прямой результат влияния русского языка. Весьма вероятно, что влияние русского языка сказалось на расширении границ согласования, на усилении регулярности его как нормы, но возникнуть этот способ связи слов под влиянием другого языка, хотя бы и русского, понятно, не мог, как не создавался этот способ, например, в нанайском языке, где он с давних пор и до настоящего времени применяется лишь для связи обособленных определений. Говорилось, что под русским влиянием во многих языках народов Севера, особенно в литературных языках, возникли сложноподчиненные предложения с союзной связью или что искони свойственные этим языкам причастные и деепричастные обороты под тем же влиянием в корне изменили свою семантику и переосмыслились в придаточные предложения. Действительно, влияние русского языка сказалось на развитии имеющихся в языках народностей Севера способов выражения сложных мыслей. Некоторые из этих языков, как, например, хантыйский, мансийский, ненецкий, эвенкийский, заимствовали из русского языка ряд сочинительных и подчинительных союзов. Возможно, что именно под русским влиянием языки народностей Севера развили собственные средства сочинения и подчинения предложений. Но и здесь нет никаких оснований считать, что произошла пересадка особенностей грамматического строя одного языка в другой, как нет оснований и для того, чтобы считать обороты превратившимися в придаточные предложения.

Неоднократно и в безапелляционной форме утверждалось также, что в фонетические системы языков народностей Севера вошли все отсутствовавшие у них ранее фонемы русского языка. Это утверждение можно понять только так, что все представители народностей Севера будто бы уже умеют артикулировать фонемы русского языка так же свободно, как и фонемы своего родного языка. В действительности это совершенно неверно. Произношение специфических русских фонем представляет серьез-

ные трудности для всех представителей народностей Севера, не владеющих русским языком, и даже для многих уже свободно им пользующихся. Утверждение о том, что русские фонемы вошли уже в фонетические системы языков народностей Севера, дезориентирует и демобилизует учителей северных школ, вселяя в них неуверенность в том, что необходимо уделять большое внимание и время работе над постановкой правильного русского произношения у своих учеников.

Серьезные ошибки допускались в выборе и использовании народно-разговорной основы литературных языков, т. е. опорного диалекта или говора. Ошибки этого рода продолжают сохраняться в некоторых литературных языках народностей Севера и по сей день. При создании письменности на хантыйском языке расчет делался на то, что все территориальные группы ханты (северная, восточная и южная) будут обслужены одним литературным языком. О значительных языковых различиях между этими группами, развивающимися, а может быть, уже и развившимися в отдельные родственные между собой народности, было известно уже и тогда. Тем не менее предполагалось, что внедрение учебников и литературы на едином литературном языке в школы всех групп ханты должно привести в короткий срок к слиянию трех фактически самостоятельных языков в один общехантыйский язык.

Практика полностью опрокинула эти расчеты. Литературный язык, опирающийся на один из говоров северной территориальной группы ханты, за двадцатилетний срок своего существования не нашел себе никакого применения у восточных и южных ханты, языки которых настолько отличаются и друг от друга, и от языка северных ханты, что возможность взаимопонимания исключается. Кроме того, южные ханты в своем подавляющем большинстве так хорошо владеют русским языком, что в помощи литературы на родном языке не нуждаются вовсе. Поэтому издаваемая на хантыйском языке литература не нашла никакого распространения среди восточных и южных ханты, и никакого слияния хантыйских языков в один общехантыйский не произошло. Издаваемой литературой могли пользоваться только северные ханты, но, как увидим ниже, и они далеко не все ею пользовались. Это было результатом первой грубой ошибки, допущенной в работе по хантыйскому языку.

В основу хантыйского литературного языка вначале был положен казымский говор, на котором говорит значительная часть северных ханты, в своей массе крайне слабо владеющих русским языком. На этой диалектной основе хантыйский литературный язык существовал и развивался в течение почти десяти лет. Затем в 1940 г. по просьбе местных организаций, поддержанной обучавшимися в Ленинграде студентами-ханты, было принято решение изменить опорный говор, поскольку казымские ханты не могут считаться передовыми в культурном отношении по сравнению с некоторыми другими группами этой народности. В основу литературного языка вместо казымского говора был положен среднеобский говор. Мотивировалось это следующими соображениями: 1) среднеобские ханты издавна живут в непосредственном соседстве с русскими, что дало им возможность опередить в культурном развитии других своих сородичей, 2) говор среднеобских ханты занимает промежуточное положение между крайними северными говорами и говорами южных ханты, что, как казалось некоторым товарищам, дает возможность быстрее языкового объединения этих двух территориальных групп.

Несмотря на внешнюю убедительность мотивировки, перебазирование литературного языка на среднеобский говор было второй, пожалуй, не менее грубой ошибкой. Дело в том, что среднеобские ханты, не исключая и детей школьного возраста, достаточно хорошо владеют русским языком

и не хотят учиться и читать книги на каком-нибудь ином языке, кроме русского. Значит, люди, говор которых положен в основу литературного языка, этим литературным языком не пользуются, так как не ощущают в нем практической надобности. Носители же двух других северных говоров — казымского и обдорского, составляющие значительное большинство северных ханты, крайне нуждаются в помощи родного литературного языка, но существующий хантыйский литературный язык не считают своим родным, поскольку он имеет значительные отличия от их говоров, и также очень неохотно пользуются им или не пользуются вовсе. В результате налицо разрыв между хантыйским литературным языком и народно-разговорной речью той части ханты, на обслуживание которой этот литературный язык рассчитан. Создалось совершенно нетерпимое положение: литература на хантыйском языке издается, официально считается, что она обслуживает всех ханты, содействуя их культурному росту, тогда как на самом деле большинство северных и все восточные ханты фактически лишены возможности пользоваться литературой на родном языке.

На Совещании по языкам народов Севера¹⁰ впервые был серьезно поставлен вопрос о неблагополучии с хантыйским литературным языком, вскрыты причины этого неблагополучия и намечены конкретные пути устранения допущенных ошибок. С докладом по этому вопросу выступил Н. И. Терешкин — первый научный работник-языковед из среды ханты. По его предложению совещание признало необходимым создать два новых литературных языка для восточных ханты: для ваховских ханты — на базе большелярьякского говора и для сургутских ханты — на базе верхнесургутского (тромаганского) говора, — а существующий литературный язык для северных ханты перебазировать со среднеобской говорной основы на казымскую. Эти мероприятия, несомненно, помогут значительному большинству ханты эффективно использовать их родные языки для повышения своего культурного уровня.

В основу эвенкийского литературного языка было решено в свое время положить непский говор южного диалекта, на котором говорит часть эвенкийского населения Катангского района Иркутской области. В специальной литературе и в официальных документах это решение неоднократно декларировалось. Однако фактически эвенкийский литературный язык никогда не основывался ни на одном определенном говоре или даже диалекте. В самом начале была допущена серьезная ошибка: непский говор не был подвергнут тщательному исследованию и не получил научного описания, что создавало значительные препятствия для установления единых норм литературного языка. Кроме того, часть специалистов, фактически державшая в своих руках регулирование норм литературного эвенкийского языка, рассчитывала на то, что этот язык представит собою среднюю пропорциональную всех говоров, в равной мере понятную для всех территориальных групп эвенков.

С течением времени известная сумма норм того языка, на котором издавалась эвенкийская литература, сложилась, но, во-первых, она была известна только ведущим специалистам, а во-вторых, она, как и следовало ожидать, значительно отклонилась от структуры непского говора. Особенно значительными оказались отклонения в области лексики. Приведу лишь несколько примеров из основного словарного фонда: литер. *амут* «озеро» — неп. *нярут*; литер. *дял* «родня» — неп. *няде*; литер. *туксаки* «заяц» — неп. *момбоки*; литер. *инми* «жить» — неп. *бодоми*; литер. *ирими* «готовить пищу» — неп. *каларуми* и т. п. Имеются также существенные расхождения и в некоторых грамматических нормах, например, в образо-

¹⁰ См. о совещании сообщение О. П. Суника на стр. 132—139. — *Ред.*

вании числительных второго десятка, в форме порядковых числительных, в форме будущего времени глагола, в согласовании существительных и количественных числительных, в согласовании указательных местоимений с существительными и т. п. Соответствие нормам непского говора сохранила лишь фонетическая система литературного языка, которая отражает сибилантно-свистящий характер этого и целого ряда других южных говоров.

Переводчики, редакторы, составители учебников, являвшиеся носителями или знатоками отдельных диалектов, не имея перед собой твердо установленных норм, вводили по собственному усмотрению в язык эвенкийской литературы значительное число диалектизмов. В различных книгах на эвенкийском языке можно встретить в больших количествах параллельное употребление совершенно однозначных слов, взятых из различных говоров, например: в значении «сосед» — *мата*, *нимэр* и *ни-мак*, в значении «день» — *инэнги* и *тыргани*, в значении «лось» — *моты* и *токи*, в значении «молодой» — *дялав* и *илмакта*, в значении «продавать» — *андамандеми* и *униетчэми* и т. д. Такое же смешение равнозначных диалектных норм наблюдается и в области грамматики.

Неблагополучие с эвенкийским литературным языком, которое особенно остро ощущается теми, кому нужно активно им пользоваться, усугубляется еще и тем, что непский говор фактически не имеет оснований служить базой литературного языка. За последние 10—15 лет большинство его носителей переселилось в различные другие районы и уже нигде не составляет сколько-нибудь компактной массы, на старом же месте из носителей этого говора осталось всего лишь несколько семей.

Учитывая ту роль в хозяйственной, политической и культурной жизни всей эвенкийской народности, которую во все возрастающей степени играет Эвенкийский национальный округ, а также желательность возможно меньших изменений в сложившихся литературных нормах, совещание высказалось за то, чтобы дальнейшее развитие эвенкийского литературного языка ориентировать на южную диалектную основу, которая представлена языком эвенков, живущих в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в пределах Байkitского и Тунгусо-Чунского районов Эвенкийского национального округа.

В основу эвенского литературного языка был положен ольский говор восточного диалекта, и практика подтвердила правильность этого выбора. Но так как ольский говор не был своевременно подвергнут детальному изучению, то и в данном случае ориентация литературного языка на этот говор оказалась крайне затрудненной.

В первые годы создания литературы на эвенском языке участие в этой работе принимали в первую очередь носители не ольского, а других говоров эвенского языка, главным образом — камчатского, охотского и индигирского. Это послужило причиной того, что в язык эвенской литературы проникло значительное количество диалектизмов, нарушавших без серьезной к тому необходимости нормы ольского говора. Так, например, вместо соответствующих слов ольского говора в литературе принято употребление незнакомых носителям этого говора слов: *унэ* «бабушка», *хони* «лучший», *турус* «рубанок», *тугсэ* «туча», *холиг* «заря», *майтан* «платок» и некоторых других. В литературе параллельно употребляются однозначные слова из разных говоров, например: в значении «девочка» — *асаткан* и *асикан*, в значении «шапка» — *авун* и *корбака*, в значении «волк» — *нгэлуки* и *нёнгчак*, в значении «куропатка» — *хелики*, *кабев* и *кабдяка* и многие другие.

Наблюдается ряд отклонений от норм ольского говора и в области грамматики. Это касается правил сочетания существительных с количественными числительными, согласования сказуемых с подлежащими, имеющими количественные определения, сочетания заимствованных относительных

прилагательных с существительными, согласования однородных определений с определяемым, сочетания некоторых глагольных форм с личными и притяжательными местоимениями.

При разработке вопросов алфавита и орфографии, построенных на русской графической основе, в недостаточной мере были учтены особенности состава фонем и фонетических закономерностей не только ольского говора, но и всего эвенского языка в целом. Буквенно-орфографическая система эвенской письменности крайне сложна и недостаточно последовательна. Особенно неблагоприятно обстоит дело с обозначением гласных фонем: буква *е* обозначает четыре разные фонемы, буква *у* — три, а в то же время одна и та же фарингализованная фонема *и* обозначается тремя разными буквами *и, е, ә*; фонема заднего ряда среднего подъема *о^у* обозначается то буквой *о*, то буквой *у*. Все это ведет к большому количеству омографов и различных исключений из правил, т. е., в конечном счете, — к разрыву между письмом и живыми произносительными нормами, а это, в свою очередь, крайне затрудняет для самих эвенов обучение эвенской грамоте и последующий переход к изучению русской грамоты.

Для успешного дальнейшего развития эвенского литературного языка необходима последовательная ориентация на принятый за основу ольский говор, чтобы он служил живой народно-разговорной основой литературного языка не только на словах, но и на деле. Необходимо также значительно упростить и упорядочить буквенно-орфографическую систему эвенской письменности, чтобы она стала надежным, удобным и доступным средством письменного общения для самих эвенов.

В настоящей статье кратко освещены недостатки в развитии трех конкретных литературных языков народностей Севера. Здесь в связи с темой статьи представлены те литературные языки, в которых наименее благополучно обстоит дело в отношении их связи с живой диалектной базой. Но это вовсе не означает, что в остальных литературных языках все хорошо. Несомненно, что и в них допускались частичные необоснованные отклонения от норм опорных диалектов и говоров, хотя эти отклонения и не носили систематического характера. Поэтому задача дальнейшей обработки и нормализации языка на базе опорного диалекта или говора* в одинаковой мере стоит перед носителями всех литературных языков народностей Севера, равно как и перед специалистами по этим языкам.

*

Гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию озарили светом марксистско-ленинской теории процесс развития литературных языков, дали возможность полностью исправить допущенные ошибки и вести работу по дальнейшему развитию литературных языков народностей Севера в полном соответствии с принципами ленинско-сталинской национальной политики на незыблемой основе марксистского учения о языке, созданного великим корифеем науки И. В. Сталиным.

* Из текста статьи можно заключить, что принятые в ней термины «диалект» и «говор» соответствуют традиционным терминам «наречие» и «диалект». Таким образом, под «говором» у автора не следует понимать говор отдельного селения, который не может, конечно, служить основой для развития какого-либо литературного языка. — *Ред.*